

Траля-ля-ля...

Покачиваясь на задних ножках стула, Викентий Леонардович Тарваль похлопал себя по разинутому рту, промурлыкал несколько нот из оперетки и зажмурился крепко-крепко... А когда открыл глаза, выбросил вверх руки и со стуком опустил стул на цементный пол беседки.

— Мда...а...а... — задумчиво протянул он, хихикнул и так же протяжно вымолвил "мне...е...ет". Правой рукой вяло перемешал черные костяшки домино на плетеном столе, зевнул и неожиданно принялся выбивать маршик, сначала двумя пальцами, а потом и всей пятерней. Костяшки нестройно подпрыгивали, скандально сталкивались и мирно распадались...

— Мда...а... мне...ет... что же... что же на обед?..

Викентий Леонардович изогнул кисти рук в прощальном аккорде на "плетеной клавиатуре" и задумался. Двумя тонкими пальцами он извлек серебряную луковицу из белой жилетки, отбросил крышку и вытянул руку вперед: — Половина чего-с? — он прищурил глаза, — половина второго-с... Ну-те-с... ну-те-с... Господи, какая же скука этот дом творческих работников! Не с кем козла забить! Проза...а...ики...и...и..., где вы...ы...ы..? Нема прозаиков! Кто доносы строчит, а кто чужих жен объезжает... Актё...ё...ёёры-ы... отпетые гастролё-ё-ёры-ы... И этих пижонов нема... Если не водочку жрут, значит, дрыхнут! Поэ-э-эты-ы!.. Нет-нет... избави нас от поэтов!.. Замучают... измочалят своим гением и потребуют восхищения навзрыд...

Викентий Леонардович вынул из кармана пиджака сложенную полоской газету "Известия", брезгливо встряхнул ее одной рукой и, наклонив голову, скользнул взглядом снизу вверх по повисшей в воздухе первой странице.

— Ну-те-с... сглотнем, чего нам наварганили 9 июничка 1982 годика... Та-а-ак... та-а-ак ... "Усилим борьбу за выполнение пятилетнего!.." Милые мои, всю жизнь боремся обо что-то... Ну, а повыше, что же у нас повыше?.. А тута у нас "Уроки мужества"... "Родина чтит героев"... Оригинальничко! "Рапоргуют пионеры". Опять "Верный сын..." и, наконец, "Навстречу историческому съезду"... Скажите пожалуйста, еще не съехались, а уже влипли в историю! Мда-а-а... Дрянцо ты, а не газетка! "Известия" без известий, как "Правда"... эва-а-а, куда нас занесло! Так и схлопотать запросто! Куда безвредней притулиться к классику. С него взятки гладки... мож-

но сказать, специально для цитаток и призван нести крест... Как это у него в современной редакции? "На свете счастья нет, но есть лишь страх и скука..." Траля-ля-ля... траля-ля-ля... Тошно-то как! Хо-хо-хо... придумать бы кого-нибудь... Так ведь не дадутся...

Викентий Леонардович снова откинул стул на задние ножки и стал мерно покачиваться. Поглядел направо... поглядел налево... и протяжно вздохнул. Однако глаза его явно оживились, как только он заприметил большого паука, уместившегося меж двух стоек беседки.

Стул под Викентием Леонардовичем опустился на все ножки, сам же он приподнялся и крадучись приблизился к паутине.

— Вот так новость! — он деликатно дотронулся до кружевных нитей — от этого паук нервически заерзал и метнулся из сердцевинки на периферию. Викентий Леонардович подул на него, но паук остался недвижим.

— Скучно, небось, сидеть целый день без дела? Ни за что не борешься, никому не рапортуешь... Хм... Чем бы тебя занять?.. А не угоститься ли нам?.. — Викентий Леонардович обернулся и взглядом обшарил беседку... — Нашел! Нашел! Она... она... зеленая была!

На столе меж костяшек сидела большая сине-зеленая муха, даже не муха, а целое мушище, лохматый криволапый и стрекочущий зверь! Викентий Леонардович ласковым движением разгладил газетку, сложил ее вчетверо по старым складкам и... шлёп! Муха откатилась и упала на спину посреди растревоженных костяшек.

— Вот так-то, драгоценная товарищ Муха, — сочувственно проговорил Викентий Леонардович, — сейчас по законам истерического материализма и диалектического кретинизма мы скормим Вас проклятому кровопийце и эксплуататору, агенту международного сионизма и поджигателю войны Брюхатому и Косматому Паучище! — голос Викентия Леонардовича трагически зарокотал: — И Вы, благородное дитя советской помойки, погибнете невинно от его омерзительных козней!.. Ну-те-с, попросим... — Викентий Леонардович оторвал край газеты и поддел на него распластавшуюся муху. Бедняга издала робкое жужжание, покрутила ножками-криволапками и замерла...

— В самый раз! — прошептал Викентий Леонардович, с шумом втянул воздух через ноздри и затянул "Вы жертвою пали в борьбе роковой...". После секундной паузы он развернулся, подошел к паутине и щелчком по газете отбросил муху с прощальным приговором: — И попали Вы, товарищ Муха, в тенета классового врага... Аминь!

Муха понемногу оживала и проявляла признаки неудовольствия. Ви-

кентий Леонардович возбужденно потирал ладони: — Ах, товарищ Муха, товарищ Муха, предстоящая героическая смерть Ваша не пройдет бесследно! Все честные мухи планеты, вдохновленные подвигом Вашим, подхватят великое дело Навозной Кучи, и тысячи новых героев, гордо... да!.. гордо подняв Ваше... — а что бы нам не перейти на ты, по-партийному ?.. Ну а как же!.. Стало быть, гордо подняв твое трепетное знамя... Ага-а-а!.. затрепетала... и впрямь затрепетала... вот и чудненько!.. Ну, а ты? Что же ты, жирный капиталист, сосущий соки из одинокой пролетариатки... низкий вредитель и, на всякий случай, мерзкий еврей?.. Трепещи, продажная душонка! Смотрите-ка, таки затрепетал! Ишь как побежал!.. А теперь мы столкнемся в непримиримой классовой схватке не на жизнь, а на смех! Пусть всегда стоит у афганского народа!.. Мы с тобой и тебя, Буркина Фасо!.. Выше цычки, славные дочери Никарагуа!.. Ах, подлец!.. Ах, гадина!.. Впился всей своей беспощадностью в честную ударницу непарфюмерного производства... но мы не сдаемся! Мы гудим и зудим! Мы бьемся о липкие стены темницы до последнего цента... Вот так сволочь! Смотри, как закрутил нашу честную героиню, беззаветно преданную... хм, чему же она у нас предана?.. Ах, да!.. Беззаветно преданную великим румяножопым идеалам! Злодей, ты коварно выхватил ее из наших сплоченных рядов в тот самый миг, когда все прогрессивно-паралитические силы планеты в спазматическом порыве... Ну, кажется, упаковал... Мда-а-а... красивенько ты ее заделал!

Викентий Леонардович ослабил галстук и растянул ворот рубахи.

— Красивенько! — повторил он и усмехнулся. — А почему это мухи не жрут пауков? Вот бы пожрали друг друга! Какая счастливая мировая скорбь посетила бы нас! Да, дружище-паучище, странно... но нет на тебя управы в государстве мух... Сгинула наша святая мученица-мушенция в твоей самоуправской пасти, а ведь могла бы заручиться доверием и сделать карьеру, выйти в мухихухи или, на худой конец, где-нибудь героически-и-и захлебнуться в коровьей жиже... но не дано... не дано... А вот другая, такая же сине-зеленая зудилка, второго дня плескалась в тарелке бесценного соседа моего по столу... Как же его по батюшке? Анатолий... Терентьевич?.. Анатолий... Лаврентьевич?.. Анатолий... Мордагыч-Задатыч.. В общем, Толик, как они представляются... Так вот, расплавалась в его супчике такая же красotka... Что же Толик? Он, представь себе, легонько супчик ложечкой зачерпывает и — плух! — перекидывает мушенцию в тарелочку неподражаемой супруги своей Простокваши Скипидаровны. Шутка такая, понимаешь! Ты, дружище-паучище, не перебрасываешь мух

в супружнину паутину? Нет! Значит, Толик похуже тебя!.. В это время Простокваша свет Скипидаровна все вертит головой и по-недоброму изучает литературных дам, а что под носом происходит — не подмечает. Толик заговорщицки рожи строит и пальчиком "молчок" мне показывает... Ну а тебя, Брюхат Косматыч, поблизости не висело, так что отвратить Толика от его игривости было некому... Простокваша Скипидаровна, святая стервочка, сунчик в себя понесла и... в истерике вскакивает, тарелочку переворачивает и себя и Толика обляпывает! Толик тоже вскакивают, делаются перекошенно-багровенькими и орут на драгоценные свои три четвертины... Вижу твое недоумение, почему три четвертины... Да потому, что Простокваша Скипидаровна в их союзе куда больше половины. Итак, они покричали друг на дружку... ручками помахали... как вдруг Простокваша Скипидаровна подскакивает к Толику и со сковородным шипением смазывает его по непородистой роже, но все равно больно... Конфуз, прямо скажем, в родной литературе!

А между тем Толик наш — особа бесполезная... Да уж! Я, можно сказать, путевочку бесплатную схлопотал благодаря ихнему братцу Николаю Кондратьевичу! Боже мой, стало быть, Толик тоже Кондратьевич! Ну конечно, святые отцы! Как же это я так обмишурился? Забыл про Николая Кондратьевича! Ай-ай-ай! Ведь Николай Кондратьевич вожак мазы! Хочет — благодетельствует, а хочет — не публикует вовсе... Ба-а-альшой человек! Вызвал он меня к себе в литературное ведомство и предложил, стало быть, восторженно накласть вступление к книжице стихов братца ихнего... ну да! Анатолия Кондратьевича! И называется книжица "Наш паровоз еще в пути"... Так что, я на ентим "паровозе" прикатил сюда с творческой миссией отрабатывать доверие, а ты, небось, подумал, что я мухами тебя здесь кормить... Ну вот, ты и рассердился, Брюхат Косматыч! Что же ты убегаешь?.. По ниточке — по ниточке... Никак, тебе моя историйка не по душе? Презрение свое "хочете" показать к нашему нравственно-патологическому долгу! Ах ты, быдло волохатое! Да тебя придавить за это надо! Брезгуешь нашей дружбой, значит! А вот мы тебя сейчас... шмяк! Да не бойсь... не бойсь... Я ведь тоже собственно муха... Мы все-е-е мухи... под пауками зудим, кружим и хватаем их объедки, а кто из кучи не тянет, тот, стало быть, отлучен будет — и укатает скорбный удел его по дальней дороге, ибо сказано в Евангелии от Лукавого, что культура должна быть культурной, а трава травянистой... и нет ничего благороднее на свете, как заложить папу с мамой под безопасность отчизны... Куда же ты, дорогой Брюхат Косматыч, бежишь? Я же тебе как на духу, не хищник я... так,

по падали больше... а пауков уважаю-с, и не то что вовсе не ем, а даже подумать не смею... Кстати, не пора ли нам есть?

Викентий Леонардович привычно нырнул в кармашек жилета, достал часы и присвистнул:

— Батюшки! Пять минут третьего! Что же я с тобою, тварь неблагодарная, время теряю в тот самый исторический момент, когда самые отдыхающие из передовых разносчиков отечественной культуры просторными задами уже пять минут как жмутся у корыта! Не ровен час, подумают, отбилса от стаи! Вах-вах! Бывай, Брюхат Косматыч!.. Да, знаешь, чем-то Николай Кондратьевич на тебя похож! У него такой же круглый животик и точь-в-точь те же колкие глазки... Ты, случаем, в органах не служил? Очень жаль! Тогда на литературного начальника не потянешь! Так-то, дорогой плетунчик... Мотай на рыло! Глядишь, сгодится никчемный опыт булькающей души... Ну, все — побежал! Не поминай лихом!..

Викентий Леонардович театрально развернулся на одном каблуке, нахлобучил соломенную шляпу и плавненько выскользнул из беседки.

— Тра-ля-ля-ля... тра-ля-ля-ля...

Он пригнулся, расставил руки и, как большое белое пугало, закружил по направлению к одноэтажному желтому барaku с двумя разнокоричневыми колоннами при входе. В воздухе вились мириады мелких мошек. Издалека доносилась бравурная музыка. Пахло разморенными травами и чесночным борщом. Время от времени с дробным жужжанием проносились сине-зеленые мухи. В радостном возбуждении и с верою в светлое будущее всего муховечества они летели на запах в сторону творческой столовки. Со стороны же столовки вид представлялся иной: без великого будущего, без светлой веры, а только с задним двором и расхлестанной помойкой, над которой неся назойливый зуд...

— Траля-ля-ля... Траля-ля-ля...

Лос-Анджелес

